

ПРОБЛЕМЫ ДЕМАРКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА В МОДЕРНИЗМЕ И ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Рассматривается проблема борьбы с мифологизацией исторической науки, которая предпринималась в рамках двух традиций. Показано, что поиск критериев демаркации научного и вненаучного знания, производившийся модернистами не принес ощутимых результатов, что привело к применению качественно иных подходов к данной проблеме представителями постмодернизма. Одним из результатов является выявление отличия двух подходов к проблеме демаркации.

Ключевые слова: историческое знание; исторический миф; модернизм; постмодернизм; демаркация; историческая реальность; исторический факт.

Как известно, в настоящее время можно зафиксировать существование двух образов исторической науки – образ, созданный в рамках модернистской традиции, все еще не утративший своего влияния, и образ, создаваемый представителями постмодернизма, которые встали на путь критики и недоверия к основаниям исторической науки. Рассмотрение этой проблемы не является целью данной работы. В ней предполагается исследование лишь одного аспекта в «отношениях» модернизма, постмодернизма и исторической науки – борьбы представителей данных направлений с мифологизацией исторической науки, лежащей в основе создания различного рода идеологий.

Необходимо отметить, что проблема демаркации, частью которой являлась и борьба с мифологизацией исторической науки, имела место и ранее, и представители модернистской традиции неоднократно пытались ее решить. Подход был основан преимущественно на поиске критериев научного и вненаучного знания.

Представители данной традиции исходят из доступности для исследователя исторической реальности, выступающей как основание действительной связи исторических событий и существующей независимо ни от чего, вне и помимо исторических источников. В качестве исторической реальности в большинстве случаев полагается прошлое общества.

Необходимо заметить, что в рамках модернистской традиции именно общество в целом является элементом объекта исторической науки. Один из видных представителей школы «Анналов» Л. Февр делал на этом упор, рассуждая о предмете истории. Он говорил, что для истории интересны люди, которых «можно понять лишь в рамках общества, членами которого они являются» [1. С. 21]. На этом основывалось представление об объективности и всеобщности исторического знания, что считалось залогом его чистоты и истинности.

Задача историка в этом случае заключается в создании «копии» реальности или действительности. Для достижения достоверного знания о прошлом, сам он должен устраниваться от исследования. «Строгость» по отношению к субъекту обусловлена тем, что именно он в этой структуре полагается «слабым звеном»: через него, прежде всего, в историческое знание может проникнуть миф, если он не полностью «изъял» себя из описания прошлого. Залогом истинности исторического знания, его бастионом считаются источ-

ники, прошедшие горнило проверки и объективной критики. Такая позиция, прежде всего, свойственна Ранке, его последователям и представителям позитивизма, которые дополняют проверку необходимостью опыта.

Однако такая категоричность (даже при том, что явилась причиной развития источниковедения, включающего жесткую критику источника) не выдержала критики, породила сомнения, поставила ряд вопросов, явных и неявных.

В первую очередь возник вопрос о границах исторической реальности, а позже и об ее существовании. С одной стороны, как мы видели, она представлялась равной действительности, а с другой, ее единственной информационной базой полагались источники. Но понимаемая таким образом реальность не может исчерпываться источниками, так как возникают проблема той части реальности, которая не проявляется в источниках, и проблема достижения знания о ней. «Пробелы», возникающие в связи с отсутствием сведений, могут быть заполнены вероятностными знаниями, основанными на логике, но также и мифами. Это ставит под сомнение «отстраненность» субъекта, которая требовалась для достижения истины.

Следующая проблема была связана с доверием к историку-очевидцу. В основе некоторых источников лежат «свидетельства» очевидцев, которые могут намеренно и ненамеренно наблюдать и описывать. Получается, что этим очевидцам историк должен доверять неизмеримо больше, чем себе: все, что исходило из прошлого, полагалось истинным в силу представлений о проясняющей роли времени.

Эти вопросы вызвали неоднозначную реакцию. Р. Коллингвудом была предпринята попытка перевести историческую реальность в область духа. Философ высказал идею о том, что она полностью совпадает с историческим сознанием, и история выступает как ход мыслей историка, который воспроизводит мысли прошлого в контексте собственного знания [2. С. 193]. Концепция Коллингвуда, таким образом, снимала вопрос о доверии и недоверии субъекту-очевидцу.

Представители школы «Анналов» и микроистории, выдвигая идею тотальной истории, пытались защитить историческую науку, но не путем поиска критериев, а ее экспансией, которая заключалась в привлечении данных смежных наук и расширении

круга исторических источников. Она должна охватывать все и не оставлять места домыслам. Как писал Ф. Бродель, «для меня история – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих» [3. С. 126]. Познавательный интерес историка, по их мнению, должен распространяться не только на прошлое, а и на то, что происходит в настоящем и ожидается в будущем. Предметом рефлексии исторической науки должны стать не только ключевые, но и «малые» события, ментальность «маленького» человека прошлого, «малые» территории.

Расширение источниковой базы и признание возможности использования в качестве источников сведений из других областей знания сопровождалось тем, что источник перестал восприниматься как копия действительных событий. Он перестал считаться «прозрачным», а был признан «непрозрачным» и «молчаливым». Кроме того, была произведена коррекция понятия «историческая реальность» и было признано, что те исторические события, которые не проявляются в настоящем, не фиксируются в памяти людей, не могут принадлежать ей.

Исторический текст, как полагали представители этих направлений, становится элементом исторической реальности лишь тогда, когда получает оценку и интерпретацию в мировоззрении историка, который вступает в диалог с прошлым, «как следователь при допросе свидетеля» [4. С. 56]. Факты перестали признаваться существующими в готовом виде, в источниках – было признано, что их нужно «выработать». Это отчасти помогало избежать заданности исторического исследования (что свойственно мифу), когда результат уже есть (в виде полагающейся исторической реальности) и задает рамки подбора соответствующих фактов.

Таким образом, представители данных направлений, не признавая элементом исторической реальности события, не дошедшие до настоящего, отчасти исключали проникновение в «пробелы» мифов. Ставя в центр внимания малые события, они наносят еще один удар по историческому мифу, так как мифотворцы склонны вести атаку на ключевые события истории. Границы исторической реальности оказались очерченными источниками, на основе которых исследователи «вырабатывают» факты. Никакая другая реальность существующей не признавалась.

Несмотря на усилия представителей школы «Анналов», они также не смогли устранить все «лазейки» для мифологизации исторического знания. Новый бастион исторической реальности, выстроенный на источниках, выбранных историками и ими интерпретированных, также долго не продержался. Ф. Анкерсмит, критикуя данную позицию, заметил, что остатки, следы прошлого не являются самим прошлым, а лишь его источниками [5. С. 53]. Следовательно, они не могут обладать такой незыблемостью, как действительность.

Кроме того, в качестве исторических источников часто выступает информация, полученная из личных впечатлений, из средств массовой информации и др.

Также рефлексия над событиями, сведения о которых содержатся в источниках, осуществляют не только историки, основывающие свою деятельность на этосе науки, но и многие другие, так как историческое знание несет в себе множество искушений и никого не оставляет равнодушным. Отсюда и различные цели и мотивы использования источников: для научного исследования, для удовлетворения обыденного интереса в корыстных целях и др.

Хотя представители школы «Анналов» и микроистории сделали упор на малые события, надеясь исключить иерархию и выделение ключевых событий, тем не менее в результате отбора событий, выбора их историком, они неизбежно иерархизируются, выделяются маловажные и ключевые события, которые используются мифотворцами. В связи с этим встала проблема критериев выбора источников. Было признано, что сами источники могут отражать различные видения и мнения по поводу одних и тех же событий. Роль субъекта как исследователя и интерпретатора возросла.

Можно сказать, что предоставление субъекту-историку большой творческой самостоятельности и расширение источниковой базы не только обогатили историческое знание, но и открыли новые возможности для мифотворчества, так как исследователь, по словам А.Я. Гуревича, трансформирует в историческое повествование даже, среди прочего, и свои фантазии [6. С. 246].

Таким образом, историческое прошлое, представляемое и как действительное, и в качестве остатков и следов, несмотря на попытки усилить его защищенность от мифа, все больше признается уязвимым для него, «мостом» для его трансформации и не гарантирует «чистоты» исторического знания. Представление о том, что история – это история общества, в целом служит укреплению и распространению политических мифов, трансформации корпоративных представлений на все общество.

Историческая наука, как известно, не исчерпывается изучением прошлого общества. В ее рамках жизнь людей рассматривается как разворачивающаяся во времени. В традициях модернизма время предстает как единый направленный мировой процесс, имеющий свое начало и окончание. Это социально-историческое – время истории человеческого общества – общее для всех обществ и государств, наполненное событиями.

Темпоральный аспект исторической науки можно признать тем признаком, который определяет разграничение исторической науки и исторического мифа. В качестве аргументов можно представить следующие: 1) историческому мифу «чуждо подлинное понятие становления и постоянства в становлении» [7. С. 302]. Изменение несет мифу гибель даже в том случае, если он сменяется другим мифом, так как он ориентирован на вечность; 2) социально-историческое время разворачивается на фоне хронологического или счетного времени, а для мифа хронологическое время неважно.

Таким образом, на пути разграничения научного и вненаучного знания исследователей подстерегала не-

удача, выдвигаемые критерии, в частности критерии демаркации исторической науки и исторического мифа, были признаны слабыми. Это привело к тому, что сторонники постмодернизма предприняли качественно иную попытку решить эту проблему: вместо выделения различий исторической науки и исторического мифа они обратили свои взоры на саму историческую науку, вернее, на ее основания.

Смысл борьбы постмодернистов с мифологизацией истории состоит в отрицании многих аспектов ее понимания модернистами, допустившими, на их взгляд, проникновение мифов в историческую науку, и в попытках создать иной образ истории. С другой стороны, высказываются мнения о том, что «преобразования» постмодернистов ведут к чрезмерному сближению истории и мифа, к неопределенности границ между ними. Например, А.В. Гулыга считает, что постмодернизм рассматривает миф как панацею «от рационалистических бед нашего времени» [8. С. 158].

В борьбе против мифологизации истории удары направлялись в первую очередь на элементы, составляющие объект исторической науки. Критика образа общества как целостного образования с иерархически расположенными элементами была предпринята, прежде всего, М. Фуко. Такое представление об обществе, полагал философ, навязывает индивиду свои нормы и образ истории (см. [9]). Новый образ предполагает плюралистичность и равноценность всех способов жизни. Индивид в данной традиции «подобен» обществу. Он не является целостным, не воспринимается как тождественный себе, характеризуется несовпадением социальных, персональных, биологических функций. Он становится чуждым самому себе и поэтому вынужден в истории преодолевать чуждость своего прошлого.

Подобные представления отразились и в философском творчестве Ф.Р. Анкерсмита, который в качестве одного из составляющих объекта истории выделяет «персональное прошлое», мало отличающееся от коллективного прошлого [10. С. 367].

Как мы видели, уже в рамках модернистской традиции прошлое, выступающее в качестве исторической реальности, подвергается критике, теряет свои позиции. Вызывает сомнение его значение для исторического исследования. Попытки отождествления описания с реальностью прошлого, по мнению исследователей-постмодернистов, приводят к тому, что через прошлое трансформируется миф, а образ свершившегося, незыблемого прошлого закрепляет его, создает представление о вечности мифа.

Представители постмодернизма и исследователи, хотя бы отчасти разделяющие их позиции, осуществляют попытки разрушить эту незыблемость и завершенность прошлого. Например, известный американский философ А. Данто в работе «Аналитическая философия истории» обратил внимание на невозможность полного описания прошлого. Это связано с тем, что знание о прошлом ограничивается незнанием будущего [11. С. 25]. Когда наступает будущее и становится настоящим, прошлое изменяется, постоянно «раскрываясь» в настоящем, которое влияет на него.

Историческое прошлое, таким образом, не является незыблемым, полностью свершившимся. Также философ обосновывает отказ от тождества прошлого и его описания (нарратива). Он пишет: «Если бы карта полностью описывала ландшафт, то стала бы этим ландшафтом» [11. С. 14]

Осознание того, что прошлое поддается изменению, развенчивает его. С точки зрения Д. Лоуэнталя, это дает возможность его изменять намеренно, и «мы отчасти высвобождаемся из-под его чар, будь те священными или пагубными» [12. С. 620].

Недоверие к тем характеристикам прошлого, которые были даны сторонниками модернистской традиции, приводит к тому, что в рамках постмодернизма понятие «историческая реальность» практически изымается из оборота. Прошлое, по их преобладающему мнению, может выступать только в виде нарратива, так как оно недостижимо. Поэтому историческое описание не может сравниваться с чем-либо. Это привело к ситуации, которую прокомментировал российский исследователь В.Н. Сыров. Он сказал, что если в качестве критерия истинного знания определить историческую реальность, т.е. соотношение с ней, то это может привести лишь к тому, что любое историческое построение можно будет назвать мифичным «просто в силу того, что не адекватно самому прошлому» [13. С. 72].

Таким образом, роль и значение прошлого, выступающего в роли исторической реальности, полагающегося незыблемым, влияющим на настоящее, в постмодернизме поколеблена. Действительность выступает как мир симулякров. Прошлое теперь нуждается в опоре настоящего, которое наличествует. Поэтому прошлое теряет свою предметность, самостоятельность и становится лишь частью настоящего. Как полагает Ф.Р. Анкерсмит, предметом исторического опыта является не столько само прошлое, сколько различие между прошлым и настоящим при доминировании настоящего [10].

Ж. Деррида, признавая, что в качестве исторического прошлого может выступать лишь текст, нарратив, заявил, что тексты могут отличаться от самих себя. То есть текст не является некоторой незыблемой целостностью. Он вводит понятие *différance* вместо *différence* (разница, несходство). *Différance* он определяет как тождественность, которая не является идентичной самой себе и в равной мере относится и «к так называемому будущему, и к так называемому прошлому, он образует так называемое настоящее и силу самого отношения к тому, чем он сам не является» (цит. по: [14. С. 125]).

Прошлое, в составе настоящего подчиняющееся «законам» настоящего, полагается реальным лишь через разрозненные фрагменты, сами по себе не несущие заданности. Это исключает трансформацию «рамки», «шаблонов», возникших в прошлом (субъект-очевидец, субъект-автор) и переносимых в настоящее. Анкерсмит по этому поводу сказал, что историография не начинается с определенного устойчивого видения проблемы, которое дальнейшее исследование должно подтвердить, наоборот, это виде-

ние становится очевидным лишь в конце исследования в качестве его результата [5].

В качестве фрагментов выступают события или факты. Как считает Л.П. Репина, среди всех других форм рассказа, составляющих научное знание, история как рассказ о прошлом отличается тем, что основана на фактах. Именно это, по мнению исследователя, «отделяет историю от мифа, легенд, вымысла» [15]. Но в постмодернистском понимании истории факт занимает место события и сам по себе не несет смысла. Один и тот же факт может быть истолкован по-разному: и с точки зрения исторической науки, и с точки зрения мифа. Поэтому сами по себе факты не могут стать критерием демаркации исторического мифа и исторической науки.

Какой же выход предлагается постмодернистами? Это, во-первых, множество интерпретаций и путей понимания исторического события. Наличие лишь одной интерпретации не имеет значения: иметь одну интерпретацию – это значит не иметь «его интерпретации вообще» [5. С. 45]. Это препятствует выделению «ключевых» событий, используемых современными мифологами, так как миф не может основываться на ряде различных интерпретаций, он дает лишь одну, несущую в себе некую значимость, ценность, «ибо только ценное требует видения вещей с позиций их сохранения или уничтожения», – пишет В.Н. Сыров. Он считает, что «как только те или иные истории тяготеют к явной или неявной формулировке ценностных ориентиров, они открываются для проникновения в них мифического» [16. С. 72].

Критерии демаркации, таким образом, предлагается искать «не в самом прошлом или в источниках, его выражающих, а в характере принципов, посредством применения которых материал свидетельств приобретает облик исторических повествований» [13. С. 90]. Принципами, при которых свидетельства становятся историческими, можно назвать, во-первых, их «равенство» при определении значения и интерпретации. Мифологическое событие – это событие, получающее статус сверхценного, «проливающее свет» на все остальные события, наделяющее их своим значением. Во-вторых, способ трансформации событий, при котором они вытесняются последующими в прошлое, занимают свое место на шкале времени.

Миф может использовать некоторые исторические события (в основном ключевые), но трансформировать их из прошлого по-другому, путем «разрыва» социально-исторического времени и образования «начала». В качестве начала выступает избранное событие, которое будет воспроизводиться в ритуалах (например, Октябрьская революция и др.), то есть распространять свою власть на все события определенного ряда, подтверждающие его.

Устранение целостности, самостоятельности и неизбежности прошлого не могло не привести к пересмотру роли исторических источников. Постмодернисты пришли к выводу, что понятие «источник» не отражает сущности исторического познания. Являясь залогом истинности исторического знания для представителей модернизма, в постмодернизме они потеснены внеис-

точниковым знанием. Это получило выражение, прежде всего, в творчестве М. Фуко.

Фуко встал на путь не только разрушения оснований исторической науки, но и изменения в представлениях об исторической истине. Он полагал, что объективное воссоздание фактов истории (с опорой на источники) не является главным в получении исторической истины, так как истинным он считал не обязательность, а свободу. Поэтому более важны внеисточниковое, личностное знание и поиск способа «восстановления» исторического, так как «в каждом обществе есть свое представление об истине, свойственная ему “общая политика” правды, т.е. в обществе существуют типы дискурса, которые приемлемы для него и выполняют функцию правды» [17. С. 131–132].

Такая точка зрения предполагает, что должны учитываться все мнения, что позволяет противостоять «генерализирующей» линии.

Таким образом, историческое прошлое получает сокрушительные удары со стороны постмодернизма и теряет свой статус реальности, свою неизбежность и самостоятельность. Прошлое становится «вспомогательным» модусом времени, зависимым от настоящего.

Однако, как известно, трансформации мифа осуществляются и через будущее, которое в модернизме признавалось особой реальностью, существующей самостоятельно в планах и замыслах людей. В представлениях постмодернистов оно оказалось уязвимым для проникновения мифов и создания утопий, что явилось еще одним существенным доводом в пользу настоящего, где и конструируется история. Будущее представляется неизвестным, непознаваемым, утратившим свою онтологическую сущность.

Как мы видим, изменения затронули и представления о времени, лежащие в основе исторического процесса. В модернистской традиции, предполагавшей единый направленный поток социально-исторического времени, образовывалось некое неравенство, заключавшееся в том, что, по словам Д. Литтла, в качестве образца развития выступают некоторые европейские страны. Их развитие образует «центральную» линию, тогда как развитие других стран рассматривается либо как «нестандартное», либо как «отсталое» [18]. В рамках постмодернизма «генерализация» социально-исторического времени была отвергнута, и оно стало рассматриваться как ряд автономных не пересекающихся потоков.

Кроме того, отказ признавать прошлое и будущее самостоятельными реальностями «запирает» время в настоящем, но не исключает его из структуры объекта. Время как становление остается специфическим признаком исторического исследования или описания, так как в нем предполагается конструкция правдоподобного через описание серии событий, разворачивающихся во времени. Рассуждая о различиях литературного и исторического нарративов, Х. Уайт считает, что первому свойствен пространственный способ описания, а процесс письма в исторических нарративах – это временной модус [19].

Как мы видим, согласно представлениям постмодернистов объект исторической науки не является

чем-то незбылемым, раз и навсегда данным, самодостаточным, целостным, самоотжественным. Почти то же самое можно сказать и о субъекте исторического познания. Субъект не противопоставляется миру, не изолирован от него, он находится внутри него, присутствует в акте познания. Его участие определяется тем, что он конструирует историческую реальность, переместившуюся в настоящее и получившую статус текста, нарратива.

Субъект познания, становясь основной предпосылкой существования исторической реальности, из «пленника» прошлого превращается в «господина», так как представляет мир исходя из своих изменяющихся и развивающихся взглядов на него. Но «господство» субъекта над прошлым имеет и другую сторону: роль «конструктора» исторической реальности приводит к тому, что он теряет свою целостность, автономность и осознанность, так как исчезают четкие границы между познающим субъектом и познаваемым объектом, не только субъект может оказывать влияние на объект, но и наоборот. Субъект в такой ситуации сам является изучаемым.

Субъект или автор, по убеждению Фуко, – это «идеологическая фигура, с помощью которой маркируется способ распространения смысла» (цит. по: [20. С. 159]). Он в рамках такого понимания зависит от языка, текста, общественных норм и предписаний, внутренних инстанций. То есть субъект зависит от текста или, по выражению Фуко, «письма». Текст при этом выступает как нечто непостоянное, изменяющееся в результате множества интерпретаций. Субъект-автор не может преодолеть непостоянство текста, нормы и образы истории, сформированные и навязанные «большинством», поэтому через него может трансформироваться миф. Его субъективный замысел умирает, и это означает смерть автора, провозглашенная, прежде всего, Р. Бартом.

О «смерти автора» с иных позиций говорит М. Бланшо. Автор, по его мнению, – это творец, дело которого не может быть «ни плохим, ни хорошим, ни важным, ни напрасным, ни памятным, ни достойным забвения» [21. С. 101]. Автор как субъект истории и субъект исторической науки в данных концепциях представляется деперсонализированным.

Субъектом исторического познания является и читатель, который, по мнению М. Грессе, – лишь выражение системы фундаментальных конвенций, которые диктуются данной культурной традицией (см.: [22. С. 7]). Он, с точки зрения Ж.Ф. Харари, – «порождение текста» [23. С. 40] и также не свободен.

Как «освободить» субъекта, устранить из его содержания нормы идеологии, лишить его роли трансформатора мифа?

Один из выходов предложен Ж. Делезом и Ф. Гваттари [24. С. 112]. Смысл этой концепции в том, что действительно свободный индивид, настоящий субъект, – это шизофреник, так как он, во-первых, не несет никакой ответственности, не обязан следовать социальным нормам, а во-вторых, не боится сойти с ума. Находясь «в лоне безумного», он спо-

собен сопротивляться власти и навязанной идеологии, так как лишь иррациональное способно сопротивляться. Эта концепция получила распространение, а скорее, признание среди сторонников постмодернистской традиции.

В качестве другого выхода можно представить позицию Ф.Р. Анкерсмита. Он, как мы видели, не принимает полного отчуждения прошлого и выдвигает идею соприкосновения с ним, непосредственного опыта его восприятия. Он полагает, что человек способен иметь подлинный опыт прошлого, и это опыт ностальгии, принадлежащий лишь ему. С точки зрения Анкерсмита, ностальгия – это мост между физическими реалиями прошлого и эмоциями человека [10. С. 367], переживание несоответствия того, как чувствовалось прошлое и как настоящее. Ностальгия, таким образом, – это также отход от рациональности в область чувств и эмоций человека, которые и являются способом достижения достоверного исторического знания.

Смерть автора, смерть субъекта, шизофрения, ностальгия – это способы борьбы с фальсификациями, предлагаемые представителями постмодернизма.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: представители модернизма (как в рамках классического, так и неклассического понимания истории), пытались решить проблему демаркации, осуществляют поиск статичных критериев, основывающихся на сравнении предметной сферы истории и мифа. Сферой, где историческая наука и исторический миф не пересекаются (миф стремится стать вечным), оказывается социально-историческое время – один из элементов объекта исторической науки.

Постмодернисты же встали на путь пересмотра оснований исторической науки и представлений об исторической истине. Они заметили, что современный исторический миф вплетается в историю и дело не столько в подлинности исторического факта, сколько в принципе его трансформации или интерпретации.

Мифом трансформируются исторические факты (события) выборочно, на основе ценностных ориентиров. Они выдвигаются как ключевые, определяющие все другие последующие события этого ряда. То есть событие, «захваченное» мифом, истолковывается единственным образом, а событие историческое предполагает множество интерпретаций. Кроме того, время (критерий, выводимый из логики модернистов) не исключается из структуры объекта исторического познания и выступает как специфический признак исторического исследования или нарратива, так как в нем предполагается конструкция правдоподобного через описание серии событий, разворачивающихся во времени.

Таким образом, проблема демаркации исторического мифа и исторической науки в рамках модернистской и постмодернистской традиций решается с помощью принципиально различных подходов, каждый из которых содержит перспективные решения и нуждается в дальнейшей разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Febvre L. Combats pour l'histoire. Bibliographie choisie et méthodique. Paris, 1953.
2. Коллингууд Р.Дж. Идея истории. М., 1980. 491 с.
3. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории* / под ред. И.С. Кона. М. : РИО БГК им. И.А. Бодуна де Куртенэ, 2000 (переиздание 1963). С. 115–142.
4. Юрганов А. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // *Россия XXI*. 2003. № 3. URL: http://russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2003/yarganov_2003... (дата обращения: 31.07.2013).
5. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Колomoец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
6. Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // *Одиссей: человек в истории*. М., 1998. С. 233–250.
7. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос / пер. А.Н. Малинкина. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 654 с.
8. Гулыга А.В. Что такое постсовременность? // *Вопросы философии*. 1988. № 12. С. 153–159.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 405 с.
10. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 608 с.
11. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
12. Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб. : ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2004. 623 с.
13. Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // *Идеи и идеалы*. 2011. Т. 1, № 4 (10). С. 70–77.
14. Гурко Е. Тексты деконструкции. Ж. Деррида «Differance». Томск : Водолей, 1999. 160 с.
15. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания : пособие для вузов. 2-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2006. 288 с. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/repina2.htm> (дата обращения: 04.09.2015).
16. Сыров В.Н. Обречены ли исторические нарративы быть мифами? // *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии : сб. статей* / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск, 2004. С. 85–99.
17. Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. 1972–1977. Brighton, 1980.
18. Little D. Philosophy of History // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2012 edition / ed. by Edward N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/history> (дата обращения: 12.09.2015).
19. White H. Historical Text as Literary Artifact // *The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding* / ed. by R.H. Canary, H. Kozicki. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41–62.
20. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия... URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/52633p202.html> (дата обращения: 20.08.2015).
21. Бланшо М. Литература и право на смерть // Бланшо М. От Кафки к Кафке. М. : Логос, 1998. URL: <http://mspu.org.ua/pulicistika/6124-literatura-i-pravo-...> (дата обращения: 20.08.2015).
22. Gresset M. Introduction // *Intertextuality in Faulkner*. St. Albans, 1985.
23. Harrari J.V. Introduction // *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. London, 1980.
24. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 ноября 2015 г.

THE PROBLEM OF DEMARCATION OF HISTORICAL SCIENCE AND HISTORICAL MYTH IN MODERNISM AND POSTMODERNISM

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 33–39. DOI: 10.17223/15617793/400/5

Borovkova Olga V. Rubtsovsk Industrial Institute, Branch of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Keywords: historical knowledge; historical myth; modernism; postmodernism; demarcation; historical reality; historical fact.

The problem of demarcation of historical science and historical myth has received coverage in the tradition of modernism and postmodernism. The modernist approach to this problem is based on the search of static criteria of scientific and non-scientific knowledge. Its representatives emanate from the availability for a researcher of historical reality which exists irrespective of anything, outside of and apart from historical sources. Historical reality in most cases assumes the past of society. The aim of the historian in this case is to create a "copy" of reality. For this, s/he has to withdraw from the research, because it can be a means to penetrate a myth. The warrant of the truth of historical knowledge is sources subjected to objective criticism. But sources are not a copy of historical reality, and a myth can also penetrate through them, since the credibility of the eyewitness historian cannot be complete. Attempts to resolve the contradictions was the transfer of historical reality to the area of the spiritual and the idea of "total" history, which involved a great creative autonomy of the subject. But this leads to the transformation of the historian's ideas in the research results. A valid criterion of demarcation is only the temporal aspect of history, as it should be excluded in the myth: the myth tends to be eternal. Thus, researchers failed in the differentiation of scientific and non-scientific knowledge, and the criteria for the demarcation of historical science and historical myth were considered weak. This resulted in a qualitatively new attempt that proponents of postmodernism made to solve this problem: instead of allocating the differences of historical science and historical myth, they drew attention to the basis of historical science. The ideas of society are revised: society is no longer recognized as an integral formation with a hierarchical structure. The new image suggests pluralism and equivalence of all forms of life. The past, representing itself as historical reality, is criticized, it loses its positions and is viewed only as part of the present. The role of historical sources is revised: they are superseded by out-of-source knowledge. The subject of knowledge becomes the main prerequisite for the existence of historical reality and constructs it. As solutions to the problem of demarcation, postmodernists offered, firstly, the presence of multiple interpretations and ways of understanding of a historical event. This prevents the allocation of "key" events used by modern myth-makers. Secondly, they offered a transformation of historical events in which events are displaced by subsequent ones to the past, and find their place in the timeline. Furthermore, time (a criterion arising from the logic of modernists) is not excluded from the structure of the object of historical knowledge, and is a specific feature of historical research and narrative. Therefore, in the modernist and postmodernist tradition, the problem of demarcation of historical myth and historical science is solved by fundamentally different approaches.

REFERENCES

1. Febvre, L. (1953) *Combats pour l'histoire. Bibliographie choisie et méthodique*. Paris.
2. Collingwood, R.G. (1980) *Ideya istorii* [The idea of history]. Moscow: Nauka.

3. Braudel, F. (2000) *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'* [History and social sciences. Historical duration]. In: Kon, I.S. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history]. Moscow: RIO BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
4. Yurganov, A. (2003) *Istochnikovedenie kul'tury v kontekste razvitiya istoricheskoy nauki* [Chronology of culture in the context of development of historical science]. Available from: http://www.avorhist.ru/publish/yurganov_istved1.html. (Accessed: 31 July 2013).
5. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Gurevich, A.Ya. (1998) *Aporii sovremennoy istoricheskoy nauki: mnimye i podlinnye* [Aporia of modern historical science: the imaginary and the real]. In: Gurevich, A.Ya. *Odissey: chelovek v istorii* [Odyssey: a man in history]. Moscow: Nauka.
7. Cassirer, E. (2000) *Izbrannoe: Individ i kosmos* [Selected works: Individual and space]. Translated by A.N. Malinkin. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
8. Gulyga, A.V. (1988) *Chto takoe postsovremennost'* [What is post-modernity?]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 153–159.
9. Foucault, M. (1977) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin. Moscow: Progress.
10. Ankersmit, F.R. (2007) *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Moscow: Evropa.
11. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytic philosophy of history]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press.
12. Lowenthal, D. (2004) *Proshloe – chuzhaya strana* [The past – a foreign country]. Translated from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: VLADIMIR DAL".
13. Syrov, V.N. (2011) *V chem zaklyuchaetsya spetsifika mifa?* [What is the specificity of the myth?]. *Idei i idealy*. 1:4(10). pp. 70–77.
14. Gurko, E. (1999) *Teksty dekonstruktsii. Zh. Derrida "Differance"* [Texts of deconstruction. Derrida's Differance]. Tomsk: Vodoley.
15. Repina, L.P., Zvereva, V.V. & Paramonova, M.Yu. (2006) *Istoriya istoricheskogo znaniya* [History of historical knowledge]. 2nd ed. Moscow: Drofa. Available from: <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/repina2.htm>. (Accessed: 04 September 2015).
16. Syrov, V.N. (2004) *Obrecheny li istoricheskie narrativy byt' mifami?* [Are historical narratives doomed to be myths?]. In: Narskiy, I.V. et al. (eds) *Vek pamyati, pamyat' veka. Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii* [A century of memory, the memory of the century. Experience of dealing with the past in the twentieth century]. Chelyabinsk: Kamennyi poias.
17. Foucault, M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. 1972–1977*. Brighton.
18. Little, D. (2012) *Philosophy of History*. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Winter 2012 Edition*. Available from: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/history>. (Accessed: 12 September 2015).
19. White, H. (1978) *Historical Text as Literary Artifact*. In: Canary, R.H. & Kozicki, H. (eds) *The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*. The University of Wisconsin Press.
20. Il'in, I.P. (1998) *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from its origins to the end of the century: Evolution of the science myth]. Available from: <http://www.lib.ru/CULTURE/ILIN/postmodern.txt>. (Accessed: 20 August 2015).
21. Blanchot, M. (1998) *Literatura i pravo na smert'* [Literature and the right to die]. In: Blanchot, M. *Ot Kafki k Kafke* [From Kafka to Kafka]. Moscow: Logos.
22. Gresset, M. (1985) Introduction. In: Gresset, M. *Intertextuality in Faulkner*. St. Albans.
23. Harrari, J.V. (1980) Introduction. In: Harrari, J.V. *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. London.
24. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

Received: 03 November 2015